

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-002

Submitted: 26.02.2023
Accepted: 04.05.2023

**OBJECTIFICATION FEATURES
OF SOCIAL EXCLUSION AND SOCIAL INCLUSION CATEGORIES
IN THE RUSSIAN LANGUAGE
(EXEMPLIFIED BY “GLUBINKA” AND “GLUSH” CONCEPTS)**

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the objectification peculiarities of the social exclusion and social inclusion categories in the territorial aspect in the Russian language on the case of the “*glubinka*” (“*hinterland*”) and “*glush*” (“*wilderness*”) concepts. As a result of the definitional analysis of the eponymous lexemes denoting these concepts, nuclear semantic features are identified – large distance from an object with different social conditions (*hinterland*) and a large distance from the center and sparse population (*wilderness*). The concepts are characterized from the standpoint of the semantic field. It is established that the core of the semantic fields of the “*glubinka*” (“*hinterland*”) and “*glush*” (“*wilderness*”) concepts are linguistic units that directly indicate nuclear semantic features. The periphery is comprised of the units that actualize the processes of social exclusion and in some cases social inclusion. Verbs with negation and predicative *No* are noted to be the common prevalent linguistic means that express the category of social exclusion, while the units of the thematic group “social difficulties”; quantitative qualifiers which indicate a low (up to a minimum) degree of something (semantic field “*hinterland*”); verbs of socially conditioned displacement, and deictic units (semantic field “*wilderness*”) are viewed as distinctive ones. It is concluded that the “*glush*” (“*wilderness*”) lexeme objectifies the processes of territorial social exclusion in the context to a greater extent than the “*glubinka*” (“*hinterland*”) lexeme.

Key words: social exclusion, social inclusion, semantic field, semantic field “*hinterland*”, semantic field “*wilderness*”, core, periphery.

Citation. Shamne N.L., Milovanova M.V. Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in the Russian Language (Exemplified by “*Glubinka*” and “*Glush*” Concepts). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 62-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-002

Дата поступления статьи: 26.02.2023
Дата принятия статьи: 04.05.2023

**ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ
КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ – СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙ «ГЛУБИНКА» И «ГЛУШЬ»)**

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в русском языке категорий социальной эксклюзии и социальной инклюзии в территориальном аспекте на примере понятий «глубинка» и «глушь». В результате дефиниционного анализа одноименных лексем, обозначающих данные понятия, выявлены ядерные семантические признаки: большое расстояние от объекта с другими социальными условиями (*глубинка*), большое расстояние от центра и малочисленность социума (*глушь*). Названные понятия в работе характеризуются с позиций семантического поля. Установлено, что ядро семантических полей понятий «глубинка» и «глушь» составляют языковые единицы, непосредственно указывающие на ядерные семантические признаки, а периферию – единицы, актуализирующие процессы социальной эксклюзии и в отдельных случаях социальной инклюзии. В качестве общих ведущих языковых средств, выражающих категорию социальной эксклюзии, выделены глаголы с отрицанием и предикатив *нет*, в качестве различающихся – единицы тематической группы «социальные трудности»; квантитативные квалификаторы, указывающие на малую (вплоть до минимума) степень чего-либо (семантическое поле «глубинка»); глаголы социально обусловленного перемещения, дейктические единицы (семантическое поле «глушь»). Сделан вывод о том, что лексема *глушь* в большей степени, по сравнению с лексемой *глубинка*, объективирует в контексте процессы территориальной социальной эксклюзии.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная инклюзия, семантическое поле, семантическое поле «глубинка», семантическое поле «глушь», ядро, периферия.

Цитирование. Шамне Н. Л., Милованова М. В. Особенности объективации категорий социальной эксклюзии – социальной инклюзии в русском языке (на примере понятий «глубинка» и «глушь») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 62–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>

Введение

Изучение категорий «социальная эксклюзия», «социальная инклюзия» активно началось в последней трети XX в. в зарубежной социологии. В большей степени внимание ученых было обращено на понятие эксклюзии, которое традиционно связывают с именем французского социолога Реми Ледуара, рассматривающего в своих работах 70-х гг. такие категории социального исключения, как инвалиды, сироты, безработные, бездомные и др.

В научной литературе существуют различные подходы к изучению понятий социальной эксклюзии – социальной инклюзии. В отечественной социологии данная оппозиция характеризуется с различных сторон: с точки зрения распространенности [Дмитриева, 2012], территориального фактора [Ильин, 2010], образовательного процесса (например, проблемы инклюзивного образования [Макеева, 2020]). В зарубежных исследованиях социальная эксклюзия рассматривается также с различных сторон, однако прежде всего в центре внимания ученых находятся проблемы бедности, неблагополучия, асоциальности [Azmat, 2020; Buhr, 2008]. В самом общем виде социальную эксклюзию можно определить как «многомерный кумулятивный процесс, нару-

шающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества» [Макеева, 2020, с. 53].

Социальная эксклюзия описывается также с точки зрения причин, они разнообразны, зачастую взаимосвязаны и имеют как объективный, так и субъективный характер.

Социально исключенными (СЭ) являются люди, подвергшиеся насилию (психологическому, физическому), независимые, склонные к суицидальному поведению, бездомные, инвалиды, с ограниченными возможностями здоровья, мигранты, преступники, родители-одиночки, маргиналы, сельское население, пожилые люди и др. [Панкратова, 2021, с. 213]. Данные категории лиц полностью или частично исключены из жизни социума, а следовательно, им недоступен широкий спектр социальных услуг, а также они исключены из сферы трудоустройства, медицины, образования, культуры.

Социальная инклюзия трактуется в большинстве работ как включение человека в общество, активное взаимодействие, функционирование в определенной социальной роли (см., напр.: [Макеева, 2020, с. 53]) или как «демократическая акция, благодаря которой индивид или группа включаются в широкое общество и приобщаются к определенному действию, культурному процессу» [Ярская,

Ярская-Смирнова, 2015, с. 136]. Конкретные шаги, практики осуществления процесса социальной инклюзии подробно описаны в сфере социальной работы, в частности, для таких категорий, как мигранты, инвалиды, пожилые люди (см., напр.: [Антонова, 2013]).

Таким образом, социальная эксклюзия и социальная инклюзия – это разнонаправленные процессы. Социальная инклюзия предполагает включение определенного лица (лиц) в социальные отношения, а эксклюзия, в отличие от нее, направлена не во внутрь чего-то, а за его пределы и означает исключение определенного лица (лиц) из социальных отношений в различных сферах.

В качестве признаков социальной эксклюзии ученые называют ограниченность / отсутствие доступа к ресурсам, невозможность / неспособность преодоления ограничений, дискриминацию, распространенность по различным сферам социальных отношений (см.: [Тихонова, 2002]).

Изучение отражения социальной эксклюзии – инклюзии в языке на сегодня характеризуется фрагментарностью. Так, в Словакии в Университете им. Я.А. Коменского разрабатывается научная тема «Социальная инклюзия через повышение языковой культуры», в частности с позиций ксенолингвистики описываются коммуникативные стратегии дискурса эксклюзии как способы социального отчуждения и неприятия [Кожарнович, 2020]. В большей степени в зарубежной лингвистике проблема социального исключения – социального включения разрабатывается в аспекте многоязычия, что вполне объяснимо современными миграционными процессами. В частности, Эми Оцудзи и Аластер Пенникук (Технологический университет, Сидней, Австралия) рассматривают социальную инклюзию в связи с проблемой двуязычия и многоязычия, обращая при этом особое внимание на роль культуры и менталитета, социальную инклюзию авторы называют «новым мультикультурализмом» [Otsuji, Pennycook, 2011].

Другим направлением изучения рассматриваемых понятий в зарубежной лингвистике является их характеристика в рамках теории и практики коммуникации. Например, профессор университета Мангейма (Германия) Вернер Каллмайер описывает

языковые процессы социальной интеграции и исключения в связи с проблемой ксенофобии и выделяет в коммуникации социальные стереотипы, социальные предубеждения и различные формы социальной дискриминации [Kallmeyer, 2002].

В отечественной лингвистике проблема выражения в языке категорий социального исключения и включения разработана в меньшей степени. Так, в работах Л.Г. Лапиной рассматривается функционирование понятия инклюзии в немецкоязычном общественном дискурсе на материале текстов различной направленности [Лапина, 2017]. Отдельные исследования посвящены изучению языка остракизма, в частности Л.М. Григорьевой на языковом уровне прослеживаются различия интенсивности переживания опыта социального исключения (разница в объеме слов и предложений, количественном соотношении глаголов, словарном разнообразии между группами текстов с максимальной и минимальной остротой переживания опыта), выделяются глагольные отрицания как вербальная форма проявления социальной эксклюзии [Григорьева, 2022].

В рамках данной статьи остановимся на территориальном параметре социальной эксклюзии – инклюзии. Как отмечает В.И. Ильин, России присущ феномен глубинки, именно она занимает большую часть территории страны, исключение проявляется в отсутствии соответствующих уровню крупных городов социальных условий: возможностей медицины, связи, развития инфраструктуры, наличия рабочих мест и др. [Ильин, 2010, с. 26].

Особо отметим, что проблема территориального исключения (эксклюзии) и в меньшей степени – социального включения (инклюзии) активно обсуждается также прежде всего в социологической науке, однако исследование закономерностей вербализации территориальной социальной эксклюзии – инклюзии не нашло должного отражения в работах ученых. Нам представляется целесообразным выявить языковые механизмы объективации данных процессов в текстах СМИ, что позволит составить типологию соответствующих языковых средств и способов и тем самым глубже охарактеризовать сложившиеся в обществе представления о данных явлениях.

Материал и методы

Категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии, несмотря на противоположность, обнаруживают достаточно тесную взаимосвязь. Так, социальное включение можно рассматривать как процесс преодоления социального исключения. Именно поэтому в большей степени в научной литературе описана категория социальной эксклюзии.

Территориальная социальная эксклюзия – социальная инклюзия в самом общем виде представлена прежде всего оппозицией «центр – не центр», причем второй компонент данной оппозиции является более структурированным, поскольку именно с ним связаны процессы различного рода социального исключения. В расширенном виде оппозицию «центр – не центр» можно представить следующим образом: центр / город – периферия / село / деревня / глубинка / глушь / захолустье.

Источником материала для нашего исследования послужил Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) – газетный корпус; используется подкорпус периода с 2011 по 2021 г. (языковой материал 2022 г. еще не нашел отражения в корпусе). Выбор газетных текстов для выявления особенностей вербализации территориальной социальной эксклюзии – инклюзии обусловлен тем, что именно в данных источниках обсуждается социально-культурная проблематика как на уровне столиц, так и на уровне регионов.

Нас интересуют единицы, объективирующие второй компонент обозначенной оппозиции – «не центр». В приведенном выше ряду единицы *периферия*, *село*, *деревня* можно назвать немаркированными по отношению к репрезентации понятия социальной эксклюзии, поскольку они не содержат в своем значении непосредственно признака социального исключения. Другие единицы данного ряда – *глубинка*, *глушь*, *захолустье*, напротив, прямо указывают на ту или иную степень территориального исключения из определенных социальных условий (по сравнению с центром / городом), что зафиксировано в словарях.

На указанном фактическом материале устанавливаются контексты употребления ключевых единиц *глубинка* и *глушь*, их локализации (лексема *захолустье* в силу меньшей

частотности в статье не рассматривается). С целью выделения ядерных семантических признаков значения лексем проводится дефиниционный анализ на основе толковых словарей русского языка. В отдельных случаях используются также данные Русского ассоциативного словаря (далее – РАС).

Анализ примеров из выборки в газетном корпусе НКРЯ позволил выделить ряд семантических признаков, конкретизирующих обозначенные данными лексемами понятия и соответственно группы языковых единиц, объективирующих категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии в территориальном аспекте.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Обратимся к анализу семантики единиц *глубинка* и *глушь* на основе толковых словарей русского языка.

Глубинка:

Глубинный, далекий от центра пункт, район (МАС).

Место, находящееся далеко от административного, культурного и т. п. центра (глушь, захолустье) (НСРЯ).

Место, населенный пункт, расположенный вдали от столицы государства или других крупных городов (ТСРЯ).

Как свидетельствуют приведенные толкования, ядерным семантическим признаком единицы *глубинка* является «пространственное расположение» – большое расстояние от объекта с другими социальными условиями (центр / город).

Глушь (первое значение в словарях имеет отношение к природному ландшафту и определяется через признак труднопроходимости – типа «в глуши чащи»), второе значение:

Место, удаленное от центров общественной и культурной жизни (Ушаков).

Глухое, безлюдное или малолюдное место вдали от крупных населенных пунктов. Место, уда-

ленное от центров общественной и культурной жизни (НСРЯ).

Отдаленное от поселений, пустынное место (МАС).

В определении значения лексемы *глушь* усиливается признак пространственной и социальной удаленности, что подчеркивают использованные в толковании прилагательные *труднопроходимое, удаленное от, малолюдное, безлюдное*. Ядерный семантический признак пространственного расположения здесь конкретизируется как «большое расстояние от центра и малочисленность социума».

Лексема *глубинка* в фактическом материале может выражать территориальную социальную эксклюзию и социальную инклюзию как способ преодоления этой эксклюзии (наибольшее количество словоупотреблений – около 80 % – приходится на актуализацию социальной эксклюзии и около 20 % – инклюзии).

Выборка показала, что семантическое поле понятия «глубинка» образуют ядерные единицы, непосредственно указывающие на удаленность от центра (прежде всего от Москвы и Санкт-Петербурга), в составе которых отмечены единицы определенных групп.

1. Хоронимические квалификаторы (*где?*), номинирующие конкретную местность, либо часть страны; в данной группе можно выделить две подгруппы: 1) имеющие отношение к России. Здесь представлены в большей степени прилагательные, образованные от географических хоронимов, в меньшей степени – от административных: *северная, ямальская, кубанская, карельская, сибирская, ульяновская, приморская, брянская, пермская, вологодская* и др. Наибольшая частотность отмечена у единицы *российская* (около 80 % в рамках данной подгруппы), встретилось несколько случаев непоследовательного употребления прилагательного *русская* в аналогичных контекстах; 2) имеющие отношения к другим странам. Здесь представлены прилагательные, образованные от административных хоронимов: *британская, тайская, марокканская, австралийская, иранская* и др., наибольшая частотность отмечена у единицы *американская* (около 70 % в рамках данной подгруппы), далее по частотности – *китайская* (около 10 %). Отметим, что все лексемы этой группы характеризуют

также большую пространственную удаленность различных объектов от центра (страны с большой по протяженности территорией).

2. Субъектные квалификаторы (*кто?*): *обычные люди, обычный студент-технарь, обычный маляр, обычная семья, простые люди, простой шахтер, простой рукастый мужик, молодежь* (в составе устойчивого сочетания *отток молодежи*), *люди предпенсионного возраста, пенсионеры, одинокие старики, многодетные семьи, врачи, учителя, выпускники* и др., то есть преобладают в целом существительные, называющие представителей разных слоев населения, которые, как правило, включаются в категории, требующие социальной поддержки. Прилагательные *простой* и *обычный* при характеристике субъекта (в значении «открытый, бесхитростный, прямой, самый обыкновенный» и др., согласно словарям) еще больше подчеркивают отличие (своего рода удаленность) представителя глубинки от представителя центра. В единичных случаях отмечены нетипичные субъекты – *режиссер, скульптор, молодые музыканты*:

(1) И прекрасно, что появился такой фестиваль, который привозит в Москву лучшие работы и мэтров, и молодых режиссеров из **глубинки** (НКРЯ, Новая газета, 2018.12);

(2) На первый взгляд эти скульптуры – творения самородка-интуитивиста из **глубинки**, черпающего вдохновение в национальной культуре Буриятии (НКРЯ, Известия, 2019.01).

Однако в такого рода контекстах, как правило, актуализировано противопоставление: в Москву – из глубинки.

В данной группе выделены также устойчивые обороты *выходцы (выходец) из глубинки, уроженец (уроженцы) глубинки*, например:

(3) «Уроженцы **глубинки**, которые удачно «покорили» Москву, но не успели здесь обзавестись якорями в виде недвижимости и семьи, на время пандемии вернулись в родные регионы, чтобы в первую очередь не платить за съемные квартиры», – объясняет Захаров (НКРЯ, Ведомости, 2020.10).

В контекстах, описывающих ситуацию, когда выходцы из глубинки вливаются в неглу-

бинку, приведенная конструкция может выражать социальное включение:

(4) Пермский край я знаю неплохо: здесь родился, вырос, вышел из **глубинки** (НКРЯ, Коммерсант, 2020.02) (речь идет о крупном чиновнике).

3. Пространственные квалификаторы «неопределенно большой» с точки зрения расстояния удаленности, то есть «так далеко, что точно не знаю где»: сочетания с неопределенными местоимениями *где-то*, *где-нибудь в глубинке*, которые еще больше подчеркивают дистанцированность от центра:

(5) Если в России «вазовская» классика все еще остается популярным средством передвижения **где-нибудь в глубинке**, то в странах ЕС это самая настоящая экзотика (НКРЯ, Vesti.ru, 2020.04);

(6) Например, в участковой больнице **где-то в глубинке** врачи стараются не применять подобные лекарства, поскольку эти ампулы физически невозможно будет сдать в указанный период (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.11);

У меня в округе около 100 тысяч избирателей, а у председателя Народного фронта Латвии Дайниса Иванса, который шел по сельскому округу **где-то там в глубинке**, 30 тысяч избирателей (НКРЯ, lenta.ru, 2019.05).

В примере (6) наречие *там* усиливает пространственную удаленность (не здесь). В отдельных случаях косвенно на пространственную удаленность указывает частица *даже*, которая усиливает разрыв между центром и глубиной:

(7) Их уже практически нигде не используют, даже в **глубинке** (НКРЯ, lenta.ru, 2017.07) (в данном примере речь идет об отваре ольховых шишек).

Периферия в составе семантического поля обозначаемого понятия включает языковые единицы, непосредственно указывающие на социальную эксклюзию:

1. Квалификаторы категории отрицания: глагольные конструкции с частицей *не*, отрицательные конструкции в рамках составного именного сказуемого, отрицательные безличные предложения с предикативом *нет*:

(8) С одной стороны – **глубинка**, поездом **не доберешься**, надо искать автобус или маршрутку, например, от Абакана, и пить потом сто с лишним верст (НКРЯ, Новая газета, 2018.10);

(9) Временный переход на дистанционное обучение показал, что далеко **не все школы в глубинке оказались готовы** такому формату (Vesti.ru, 2020.08);

(10) – Если потенциальный абитуриент, талантливый молодой человек живет в **глубинке**, у него **нет интернета**, но он хочет учиться, что ему делать? (Vesti.ru, 2020.05).

В данной группе частотны конструкции с предикативом *нет* и с отрицательным глаголом *не хватает*, выражающими малую степень наличия чего-либо.

Все приведенные примеры напрямую указывают на отсутствие определенных социальных условий в таких основополагающих сферах, как медицина, образование, инфраструктура в целом.

2. Квалификаторы социальных трудностей, среди которых наиболее употребительными являются единицы с корнем *труд-* (*трудности*, *трудно*) и лексемы *проблема*, *непростой*, *выжить*, например:

(11) Жители городов-миллионников, как правило, не имеют проблем с их получением, трудности обычно возникают у людей из **глубинки** (НКРЯ, Lenta.ru, 2020.06) (речь в примере идет о получении справки);

(12) Задача героинь нового сериала – выжить в родной **глубинке**, несмотря на все препятствия... (НКРЯ, Известия, 2020.06);

(13) Доставить туда из **глубинки** таких пациентов очень трудно (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.12);

(14) Жителям **глубинки** наверное не нужно объяснять, насколько актуальна эта проблема (НКРЯ, Парламентская газета, 2018.07) (речь идет о строительстве дорог);

(15) Российская **глубинка** находится в непростой ситуации. Доходы населения годами в лучшем случае остаются на одном и том же уровне (НКРЯ, lenta.ru, 2019.07).

3. Квантитативные квалификаторы, указывающие на малую (вплоть до минимума) степень чего-либо: прилагательные *минимальный*, *мизерный*, количественные числительные:

(16) По своему правы все: и культурная трагедия огромна, ставшая личной трагедией очень многих; и люди на хоть Донбассе, хоть с мизерной пенсией в нашей **глубинке**... – однозначно важнее

любых стен, спицей и камней (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.04);

(17) Ерженин пояснил, что минимальные зарплаты получают врачи в **глубинке**, а максимальные – в учреждениях, где развиты платные услуги (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(18) А их мама с папой в **глубинке** дай бог 30 тысяч рублей в месяц получают на двоих, вот и складывается такая невеселая картинка (НКРЯ, lenta.ru, 2017.03).

4. Отдельное место занимают случаи, в которых социальная эксклюзия объективируется через прямое противопоставление либо сопоставление двух объектов – центра и не центра:

(19) Празднества в столице имели огромный размах, правда, в **глубинке** российский народ предпочитал отмечать в новогодний вечер память Василия Кесарийского (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.12);

(20) Мы и для Москвы-то были в то время странные, а для **глубинки** – тем более (НКРЯ, lenta.ru, 2019.04) (речь в примере идет о музыкальной группе);

(21) Кроме того, молодые творческие работники жаждут успеха, признания и славы, и им нередко кажется, что добиться этого в **глубинке** сложнее, чем в крупных культурных центрах (НКРЯ, Парламентская газета, 2018.12);

(22) Кем бы Маркелов не стал в скором времени, а достойную работу ему уже обещали подыскать, у Леонида Игоревича появилась прекрасная возможность проявить свои недюжинные таланты в столице России, а не только в **глубинке** (НКРЯ, Московский комсомолец, 2017.04);

(23) – Потому что одно дело Петербург и другое – российская **глубинка** (НКРЯ, Парламентская газета, 2016.10);

(24) Земельные доли рядом с городами-миллионниками стоят неизмеримо выше, чем сельхозземля где-то в **глубинке** (НКРЯ, Новая газета, 2016.10);

(25) Пенсии в Москве и **глубинке** разные и траты разные. В **глубинке** нужны деньги на дрова. Есть старики, которые, пережив зиму, сразу начинают копить на дрова – около 40 тысяч (НКРЯ, Новая газета, 2017.12);

(26) Люди предпочитают оставаться бездомными в крупных городах, а не возвращаться в родную **глубинку** (НКРЯ, Известия, 2018.02).

В такого рода контекстах в качестве оппозиции **глубинке** выступают различные номинации центра: *столица, Москва, Петербург,*

бург, федеральный центр, крупный культурный центр, города-миллионники, крупные города и др. Ведущими являются конструкции с союзами *чем, или, а*.

Как показал фактический материал, категорию социальной инклюзии лексема *глубинка* эксплицирует реже. В контекстах, где эта категория выражена, речь, как правило, идет о возможной социальной инклюзии, поскольку действия направлены в будущее, в качестве языковых средств отмечены конструкции со значением положительной направленности, включения, приближения объекта к определенным социальным условиям (прежде всего в уже названных нами проблемных областях), при этом репрезентативными являются единицы с общим значением повышения уровня чего-либо: глаголы (и отглагольные существительные) изменения – *улучшить, развить, расширить, обновить*, глаголы поддержки – *облегчить, помочь, обеспечить, доставить*. В меньшей степени социальное включение выражено как состоявшееся в определенных сферах, зафиксированы глаголы результативного действия *проникнуть* (данный глагол уже в своем значении содержит признак преодоления), *запустить* (то есть процесс только начался):

(27) Новый вид транспорта позволит не только доставить медикаменты в **глубинку**, но и обеспечить при этом надлежащие условия их хранения (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.02);

(28) Сенатор напомнила, что с 1 января прошлого года в стране запущена программа льготной сельской ипотеки, целью которой является улучшение условий проживания в **глубинке**, развитие населенных пунктов, а также упреждение исхода населения в крупные города (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.02);

(29) Как новый подход к целевому приему поможет выпускникам школ из **глубинки** поступить в ведущие университеты страны, выяснила «Парламентская газета» (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.02);

(30) Это облегчит жизнь охотникам, особенно живущим в **глубинке** (НКРЯ Парламентская газета, 2020.11);

(31) Предложение федеральных и региональных парламентариев улучшить жизнь россиян в **глубинке** за счет размещения центров прибыли в регионах глава государства счёл вполне уместным (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.05);

(32) В программу на 2017–2019 годы заложено 5,9 миллиардов рублей, что позволит кардинально обновить облик российской **глубинки** (НКРЯ, lenta.ru, 2017.11);

(33) Отвечая на вопрос, генеральный директор предприятия Николай Подгузов рассказал, что расширение почтовой сети в **глубинке** и обеспечение безопасности почталыонов ожидается увеличить за счёт новых форматов отделений (НКРЯ, Парламентская газета, 2017.11);

(34) Технологии быстрее проникли в **глубинку**, ускорилось оснащение школ компьютерами и Интернетом (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.03).

В фактическом материале нашел отражение определенный стереотип русской культуры в восприятии провинции как чего-то простого, настоящего, неиспорченного, поэтому сочетание *русская глубинка, российская глубинка* могут нести позитивный смысл, рисуя своего рода идиллическую картинку:

(35) Русская **глубинка** привлекает туристов со всего мира неповторимым колоритом и провинциальным обаянием (НКРЯ, Vesti.ru, 2020.03);

(36) Мы решили найти в **глубинке** спокойное и красивое место на природе, обеспечить его всеми коммуникациями для комфортной жизни и удаленной работы и основать там поселок для семей, которые (как и мы) зарабатывают удаленным трудом (НКРЯ, lenta.ru, 2019.11);

(37) При этом известно, что именно российская **глубинка** богата талантами (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.03).

В такого рода контекстах ведущими языковыми средствами являются существительные и прилагательные, выражающие положительную оценку: *обаяние, колорит, таланты, неповторимый, спокойный, красивый* и др.

Выборка из эмпирического материала показала, что в семантическом поле понятия *глушь* ядро составляют единицы, непосредственно выражающие заключенные в значении лексемы признаки пространственной и социальной удаленности.

1. Ландшафтные квалификаторы: *таежная, лесная, горная, горно-лесная*. Единицы данной группы актуализируют в контексте признак труднодоступности как с точки зрения собственно ландшафта – особый рельеф, густая растительность, так и с точки

зрения пространственной и социальной удаленности, частотным является прилагательное *таежная* – около 55 % в рамках выделенной группы, далее *лесная* – около 30 %:

(38) В таежной **глуши людей живет мало**, но причина пожаров и там – человеческий фактор (НКРЯ, Vesti.ru, 2012.07);

(39) «Полицейские считают, что живут в лесной **глуши**, до Бога высоко, до царя далеко, и никто им никогда ничего не сделает», – считает он (НКРЯ, Новая газета, 2018.06) (речь в примере идет о нижегородской области).

Особо отметим, что в РАС наиболее частотной реакцией на стимул «глушь» является «лесная».

2. Хоронимические квалификаторы представлены прилагательными двух подгрупп: 1) прилагательные, образованные от административных хоронимов, характеризующих зарубежное пространство (около 60 %): *глушь бразильская, мексиканская, болгарская, французская, канадская, румынская, финская* и др., при этом ведущим семантическим признаком выступает прежде всего значительная пространственная удаленность от центра; 2) прилагательные, образованные от административных хоронимов, характеризующие российское пространство (около 40 %): *глушь тверская, псковская, ярославская, пермская, костромская, рязанская, вятская*; распространены также контексты с точным наименованием населенного пункта (ойконимы):

(40) В деревне Стрельчиха, в **глуши** Тверской области... (НКРЯ, Комсомольская правда, 2018.01).

3. Дескриптивы, актуализирующие признак труднопроходимости, малой доступности чего-либо, большой удаленности, причем как с точки зрения отсутствия чего-либо значимого (например, дорог), так и с точки зрения отсутствия соответствующих социальных условий: *непролазная, дремучая, унылая, партизанская, бездорожная, отменная* (в значении усиления), *дикая, страшная, чудовищная*. Особо выделим контексты с высшей степенью представленности обозначаемого признака – *абсолютная, настоящая*:

(41) При этом он шел в абсолютной **глуши**, там, где едва ли одна машина проезжает за день: с одной стороны, леса, болота, с другой – море (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(42) Всё свое детство, лет до 16, Люся провела в настоящей деревне – не видела автомобилей, не знала, что такое телефон, в общем, жила в настоящей **глуши** (НКРЯ, Известия, 2018.01).

В примерах (41), (42) высшая степень проявления названного признака передана через указание на отсутствие в данной местности людей, благ и описание окружающего ландшафта (дикая природа).

Прилагательные, выступающие как дескриптивы, имеют, как правило, ярко оценочный характер, преобладает негативная оценка. В отдельных случаях (они немногочисленны) в контексте может быть выражена положительная оценка: *живописная, прекрасная, пасторальная, нетронутая*; в такого рода контекстах признак малолюдности и труднодоступности оценивается положительно по сравнению с центром / городом; этим мотивировано появление таких контекстов, как *предпочитаю глушь* (то есть не многолюдный шумный город).

Группа дескриптивов нашла отражение в РАС (наиболее полно по сравнению с другими группами), приведем в порядке убывания (исходя из частотности больше 1) реакции на стимул «глушь»: *непроглядная, непролазная, темная, непроходимая, полная, Тмутаракань*, то есть ассоциации связывают данное понятие прежде всего с труднодоступностью и удаленностью.

В отличие от семантического поля «глубинка», в семантическом поле «глушь» лексемы, вербализующие субъекта, не составляют отдельной группы. В единичных случаях субъект обозначен обобщенным существительным *житель(ница)*, *жители* либо именем собственным (онимом):

(43) В Торопецкую **глушь** семья Тукалевских (глава семейства, его жена, семеро детей и сестра) перебрались, как сами говорят и верят, по воле Божией в 1992 году (НКРЯ, Комсомольская правда, 2013.05).

4. Пространственные квалификаторы большой с точки зрения расстояния удаленности: прилагательное *далекий* (и произ-

водные), обороты с местоимениями *где-то* (неопределенность подчеркивает признак удаленности), интенсификаторы *такая, самая, какая*. Местоимение *такая* актуализирует признаки труднопроходимости и удаленности, в сочетании с прилагательными, обозначающими свойства, состояние, оценку и т. п. употребляется для выражения сильной степени названного свойства, состояния или для усиления оценки. Местоимение *самый* указывает на крайний предел качественного признака – в данном случае также труднодоступности и удаленности. Языковая единица *какая* эмоционально усиливает протяженность и отсутствие определенных условий:

(44) – Месторождения Западной Сибири ищутся... и проект создал бы уникальный транспортный коридор всепланетного масштаба... но достаточно представить, какой там рельеф, климат, какая там **глушь**, чтобы понять – «завтра» не осилим (НКРЯ, Комсомольская правда, 2012.03);

(45) Машина приезжает в какую-нибудь деревушку – обычно это где-то в **глуши**, подальше от глаз (НКРЯ, Новая газета, 2019.07);

(46) Но дома находились где-то на хуторе, в далекой **глуши**, инфраструктуры никакой не было... (НКРЯ, lenta.ru, 2017.02);

(47) Порой находятся они в такой **глуши**, что не каждый турист доберется (НКРЯ, lenta.ru, 2015.12) (речь в примере идет о памятниках);

(48) ...Мы по разбитой дороге едем в самую **глушь** (НКРЯ, lenta.ru, 2019.09).

Языковые единицы, составляющие периферию поля «глушь» актуализируют прежде всего процесс социальной эксклюзии.

1. Глаголы социально обусловленного перемещения, причем данное перемещение может быть противоположно направленным. В большинстве случаев передано направление из центра к не центру: глагольные единицы *скрыться, бежать, спрятаться, перебраться, рвануть*, которые подчеркивают невозможность, либо нежелание в силу разных причин находится внутри социума, тем самым указывая на процесс социальной эксклюзии. Например:

(49) В «Эпидемии», снятой по роману Яны Вагнер «Вонгозеро»... главные герои решают бежать в **глушь**, хотя борьба за выживание начинается еще до пересечения МКАД (НКРЯ, Ведомости, 2019.12);

(50) У сбежавших в **глушь** россияне захотели отобрать детей из-за нищеты. Однако в **глуши** семью тоже отыскивали и прислали письмо из суда с решением ограничить родителей в правах... (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(51) ... моя мама в потертом пальтишке и козырьке работницы скрывалась со мной под чужим именем в провинциальной **глуши** (НКРЯ, Новая газета, 2016.01);

(52) – Интересно, что один из участников конфликта – Шляфман уехал в Израиль, сменив фамилию на Высоцкого, а другой спрятался в **глуши** и тоже изменил имя, – рассказала вдова Талькова Татьяна (НКРЯ, Комсомольская правда, 2018.11).

Противоположно направленное перемещение представлено частотным выражением *вырваться из*, в данном случае мы можем говорить о направленном в будущее процессе преодоления социальной эксклюзии:

(53) Единственным реальным шансом вырваться из **глуши** была армия, но Валентино даже в нее не взяли – военным не понравилось его субтильное телосложение (НКРЯ, lenta.ru, 2018.03) (речь в примере идет об актере немого кино Рудольфе Валентино).

В рамках рассматриваемой группы отдельно следует выделить языковые единицы, выражающие перемещение субъекта как сознательный выбор, в такого рода случаях представлено особое восприятие глуши как места, далекого от цивилизации, в контексте оппозиция «крупный город – глушь» может быть актуализирована через глагольные единицы *покинуть, променять – жить, ехать*:

(54) Каждый житель мегаполиса хотя бы раз в жизни мечтал навсегда покинуть город и поселиться в **глуши**, чтобы выполнять простую работу, потреблять только натуральную пищу, дышать полной грудью и не думать ни о чем лишнем (НКРЯ, lenta.ru, 2019.03);

(55) Многие, как, например, путешественник из Воронежа Андрей Соловьев, который уже больше 100 дней живет в якутской **глуши**, уходят в длительные походы, в которых приходится рассчитывать только на себя (НКРЯ, lenta.ru, 2016.11);

(56) Живописные кочевья каракалпаков, суровая красота пустыни Кызылкум, развалины древних городов настолько его пленили, что он решил променять Москву на эту чудовищную азиатскую **глушь** (НКРЯ, lenta.ru, 2016.04);

(57) Обеспечив себя и потомков на три поколения вперед, вдруг едут в **глушь**, за копейки берут

развалившийся колхоз и пытаются «поднять село». (НКРЯ, Комсомольская правда, 2013.09).

2. Квалификаторы категории отрицания: частотны глагольные конструкции с частицей *не*, единичными употреблениями представлены отрицательные безличные предложения с предикативом *нет*. Например:

(58) Мне надо было ехать в ужасную **глушь** – туда, кроме как на поезде, никак не доберешься (НКРЯ, Труд-7, 2018.08);

(59) Никто не хочет работать в **глуши** за копейки (НКРЯ, Известия, 2018.09);

(60) 69 % семей получают земли в **глуши**, где нет школ и поликлиник (НКРЯ, Новая газета, 2017.07).

В отличие от аналогичной группы в рамках семантического поля «глубинка», данная группа не является репрезентативной в фактическом материале.

3. Дейктические единицы. Отметим, что мы исходим из самого общего понятия дейкиса: дейктический, то есть указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотнесения. В данную группу входят языковые единицы и выражения, указывающие на что-либо, имеющее непосредственное отношение к обозначаемому понятию (другими словами «атрибуты» глуши, в ряде случаев ставшие стереотипами). Как правило, это именные сочетания: *дикая природа, разбитые дороги, редкие гости, заброшенный дом, Нива-Шевроле* (как машина для плохих дорог) и др. Отмечены также устойчивое сочетание *медвежий угол* и прецедентный текст *глушь почище Шервудского леса* (прием аллюзии отсылает нас к непроходимым лесам – месту обитания Робин Гуда).

Социальная эксклюзия может объективироваться, как мы уже отмечали, рассматривая понятие «глубинка», через противопоставление, либо сопоставление центра и не центра. Однако понятие «глушь» в такого рода контекстах эксплицируется редко. В немногочисленных примерах представлена оппозиция *столица – глушь*, либо *город (большой, шумный) – глушь (тихая, сельская)*; социальная эксклюзия выражена конструкцией «из – в», при этом субъект в большинстве случаев перемещается не по собственной воле, а в силу обстоятельств:

(61) Затем меня как священника перевели из города в **глушь**, и я решил, что это самое подходящее место для моих планов (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(62) Это главным образом дауншифтеры, в свое время перебравшиеся из больших городов в провинцию или даже сельскую **глушь** (НКРЯ, lenta.ru, 2017.03);

(63) Из столицы в деревенскую **глушь** вынуждена была перебраться москвичка, вдова ветерана войны (НКРЯ, Vesti.ru, 2015.10);

(64) С другой стороны, теперь у нее есть собственный дом, расположенный не в шумном городе, а в тихой сельской **глуши** (НКРЯ, lenta.ru, 2015.07);

(65) На их взгляд, человек, укативший из столицы в **глушь**, либо в чем-то провинился, либо что-то украл и теперь вынужден прятаться (НКРЯ, Труд-7, 2010.11).

В примере (65) нашел отражение определенный стереотип – в глуши можно спрятаться.

Случаи актуализации понятия социальной инклюзии представлены в эмпирическом материале, в отличие от аналогичных случаев экспликации понятия «глубинка», единично:

(66) В таежную **глушь** пришли самые передовые технологии (НКРЯ, Новая газета, 2016.10).

В таких контекстах речь идет преимущественно о приобщении жителей данной местности к информационным технологиям.

Особо следует отметить востребованность в эмпирическом материале precedentного текста *В деревню, в глушь, в Саратов* (прием аллюзии):

(67) Не пора ли «в **глушь**, в Саратов» (где новое жилье в среднем стоит, кстати, всего 1,7 миллиона рублей)? (НКРЯ, lenta.ru, 2017.07);

(68) В них нет этого страха – быть выкинутыми в **глушь**, в Саратов. (НКРЯ, lenta.ru, 2017.05);

(69) В **глуши**, в деревне, в Саратове ничего не изменилось (НКРЯ, lenta.ru, 2018.10).

Зафиксирован также единичный пример с другим precedentным текстом (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»):

(70) В **глуши** забытого селенья: Большой театр приблизился к природе (НКРЯ, Известия, 2019.05).

Заключение

Предпринятый анализ объективации в фактическом материале (тексты СМИ) понятий «глубинка» и «глушь» позволил выявить особенности репрезентации категории социальной эксклюзии и в отдельных случаях – социальной инклюзии в рамках территориального аспекта, а также уточнить семантику именуемых данные понятия лексем.

Понятия «глубинка» и «глушь» можно представить в виде семантических полей. Семантическое поле «глубинка» состоит из ядра, в которое входят группы единиц, объективирующих признак пространственной удаленности, зафиксированный в толковых словарях: хоронимические (выявлена частотность единицы *российская*), субъектные, пространственные квалификаторы, и периферии, единицы которой актуализируют категорию социальной эксклюзии: квалификаторы категории отрицания, единицы тематической группы «социальные трудности», качественные квалификаторы. В фактическом материале отсутствует резко негативная характеристика понятия «глубинка»; в отдельных случаях отмечено восприятие глубинки как особого национального феномена, а также выявлены немногочисленные контексты, отражающие категорию социальной инклюзии, в которых ведущими языковыми средствами выступают глаголы изменения, поддержки и результативного действия.

В составе ядра семантического поля «глушь» выделены группы единиц, объективирующих признак не только пространственной, но и социальной удаленности: хоронимические, пространственные квалификаторы, причем в большей степени данные единицы актуализируют зарубежное пространство; группа дескриптивов, которые выражают преимущественно негативную оценку; отмечена невостребованность прилагательного *российская*. Периферия включает группы единиц, указывающих на процессы социальной эксклюзии: глаголы социально обусловленного перемещения (в большинстве случаев вынужденного), квалификаторы категории отрицания, дейктические единицы.

В результате интерпретационного анализа уточнены и дифференцированы семантические признаки, которые не фиксируются

словарями, но дают возможность получить более полное представление о понятиях «глубинка» и «глушь» (и соответственно о категории социальной эксклюзии). Изучение контекстного окружения рассматриваемых единиц позволило выявить дополнительные семантические признаки, маркирующие категорию территориальной социальной эксклюзии:

(*глубинка*) 1) обычность как черта субъекта – представителя данной территории (*обычный житель*); 2) неопределенность большой удаленности от центра (*где-то*); 3) трудности различной степени как характеристика жизнедеятельности субъекта (вплоть до отсутствия чего-либо значимого); 4) противопоставленность центру; 5) национальный колорит (последний признак не указывает непосредственно на социальную исключенность);

(*глушь*) 1) труднодоступность как признак пространственной и социальной удаленности; 2) запустение; 3) усиление признака неопределенности большой удаленности от центра (*где-то, там, такая*); 4) возможность исчезнуть из публичного пространства (*сбежать, спрятаться, скрыться*); 5) отсутствие чего-либо значимого.

Таким образом, в рамках оппозиции «центр – не центр» маркированными единицами второго компонента («не центр») являются лексемы *глубинка* и *глушь*, поскольку непосредственно указывают на удаленность от центра, причем единица *глушь* в большей степени, по сравнению с *глубинкой*, объективирует в контексте процессы территориальной социальной эксклюзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова В. К., 2013. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. Т. 11, № 2. С. 151–170.
- Григорьева Л. М., 2022. Глагольные отрицания – вербальная форма проявления социальной эксклюзии // Вестник Московского государственного областного университета. № 2. С. 157–166. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-1096
- Дмитриева А. В., 2012. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. № 2. С. 98–114.

- Ильин В. И., 2010. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIII, № 4. С. 25–47.
- Кожарнович М. П., 2020. Коммуникативные стратегии дискурса эксклюзии // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. В 5 т. Т. 1. Минск : БГУ. С. 67–74.
- Лапина Л. Г., 2017. Понятие инклюзии в немецком общественном дискурсе // Социо- и психолингвистические исследования. № 5. С. 89–92.
- Макеева И. А., 2020. Социальная эксклюзия и инклюзия в контексте образования: сущность и подходы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 198. С. 45–55. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-198-45-55
- Панкратова Л. Э., 2021. О концептах «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия» в социальной работе // Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства : материалы Всерос. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 212–218.
- Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2020. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. № 3. С. 151–167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167
- Тихонова Н. Е., 2002. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–17.
- Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р., 2015. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. № 12. С. 133–140.
- Azmat F., 2020. Social Exclusion and Social Inclusion // No Poverty / ed. by W. Leal Filho, A. M. Azul, L. Brandli, A. Lange Salvia, P. Gökçin Özuyar, T. Wall. Cham : Springer. P. 1–10. DOI: 10.1007/978-3-319-69625-6_50-1
- Buhr P., 2008. Ausgrenzung, Entgrenzung, Aktivierung: Armut und Armutspolitik in Deutschland // Sozialer Ausschluss und Soziale Arbeit. Wiesbaden : Springer Science+Business Media. P. 199–218. DOI: 10.1007/978-3-531-90821-2_9
- Kallmeyer W., 2002. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung // Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder / Hrsg. K. Liebhart, E. Menasse, H. Steinert. Klagenfurt : Drava. S. 153–181.
- Otsuji E., Pennycook A., 2011. Social Inclusion and Metrolingual Practices // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Vol. 14, iss. 4. P. 413–426. DOI: 10.1080/13670050.2011.573065

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL:
http://www.ruscorgpora.ru

СЛОВАРИ

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред.
Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, 2003. 989 с.
(Словари Академии Российской).

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред.
А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфре-
сурсы, 1999. 4 т.

НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского
языка. Толково-словообразовательный. В 2 т.
М. : Рус. яз., 2000. 2 т.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Ка-
раулов [и др.]. М. : АСТ : Астрель, 2002. 2 т.

Ушаков – Толковый словарь русского языка. В 4 т.
/ под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов.
энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац.
слов., 1935–1940. 4 т.

REFERENCES

- Antonova V.K., 2013. Kontsepty sotsialnoy inkluzii i eksklyuzii v globalnom obshchestve: dreif po sotsialnym institutam, aktoram i praktikam [The Concepts of Social Inclusion and Exclusion in Global Society: A Journey Within Social Institutions, Actors and Practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 11, no. 2, pp. 151-170.
- Grigoreva L.M., 2022. Glagolnye otritsaniia – verbalnaia forma proyavleniya sotsialnoy eksklyuzii [Negative Verb Forms as Verbal Expression of Social Exclusion]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow Region State University], no. 2, pp. 157-166. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-1096
- Dmitrieva A.V., 2012. Sotsialnoe vklyuchenie/ isklyuchenie kak printsip strukturatsii sovremennogo obshchestva [Social Inclusion/ Exclusion as a Principle of Structuring Modern Society]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], no. 2, pp. 98-114.
- Ilyin V.I., 2010. Rossiyskaya glubinka v sotsialnoy strukture Rossii [Russian Hinterland in the Social Structure of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 13, no. 4, pp. 25-47.
- Kozharnovich M.P., 2020. Kommunikativnye strategii diskursa eksklyuzii [Communicative Strategies of the Exclusion Discourse]. *Idei. Poiski. Resheniya: sb. st. i tez. XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 5 t. T. 1* [Ideas. Search. Solutions. Collection of Articles and Abstracts of the 14th International Scientific and Practical Conference. In 5 Vols. Vol. 1]. Minsk, BGU, pp. 67-74.
- Lapina L.G., 2017. Ponyatie inkluzii v nemetskom obshchestvennom diskurse [The Concept of Inclusion in German Social Discourse]. *Sotsio-i psikholingvistichekieskie issledovaniya* [Socio Psyc Linguistic Research], no. 5, pp. 89-92.
- Makeeva I.A., 2020. Sotsialnaya eksklyuziya i inkluziya v kontekste obrazovaniya: sushchnost i podkhody [Social Exclusion and Inclusion in the Context of Education: Essence, Approaches]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 198, pp. 45-55. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-198-45-55
- Pankratova L.E., 2021. O kontseptakh «sotsialnaya inkluziya» i «sotsialnaya eksklyuziya» v sotsialnoy rabote [About the Concepts of “Social Inclusion” and “Social Exclusion” in Social Work]. *Sotsialnaya rabota i sotsialnaya politika v usloviyakh menyayushcheysya arkhitektury sotsialnogo gosudarstva: materialy Vseros. konf.* [Social Work and Social Policy in the Context of the Changing Architecture of the Welfare State. Proceedings of the All-Russian Conference]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 212-218.
- Rebrina L.N., Shamne N.L., 2020. Sistemno-kommunikativnye izmereniya sovremennogo protesta (na materiale nemetskoyazychnykh onlain-petitsiy) [Systemic-Communicative Dimensions of Modern Protest (Based on German-Language Online Petitions)]. *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167
- Tikhonova N.E., 2002. Sotsialnaya eksklyuziya v rossiyskom obshchestve [Social Exclusion in Russian Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 5-17.
- Yarskaia V.N., Yarskaia-Smirnova E.R., 2015. Inkluzivnaya kultura sotsialnykh servisov [Inclusive Culture of Social Services]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], no. 12, pp. 133-140.
- Azmat F., 2020. Social Exclusion and Social Inclusion. Leal Filho W., Azul A.M., Brandli L.,

- Lange Salvia A., Gökçin Özuyar P., Wall T., eds. *No Poverty*. Cham, Springer, pp. 1-10. DOI: 10.1007/978-3-319-69625-6_50-1
- Buhr P., 2008. Ausgrenzung, Entgrenzung, Aktivierung: Armut und Armutspolitik in Deutschland. *Sozialer Ausschluss und Soziale Arbeit*. Wiesbaden, Springer Science+Business Media, pp. 199-218. DOI: 10.1007/978-3-531-90821-2_9
- Kallmeyer W., 2002. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung. Liebhart K., Menasse E., Steinert H., Hrsg. *Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder*. Klagenfurt, Drava, S. 153-181.
- Otsuji E., Pennycook A., 2011. Social Inclusion and Metrolingual Practices. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 14, iss. 4, pp. 413-426. DOI: 10.1080/13670050.2011.573065

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Dmitrieva D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 989 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy [Dictionaries of the Russian Academy]).
- Evgeneva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Russian Language Dictionary. In 4 Vols]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.
- Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. V 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory Derivational. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000.
- Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimczeva N.V. et al. *Russkij assocziativnyj slovar* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2002.
- Ushakov D.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols]. Moscow, Gos. in-t "Sov. encikl.", OGIZ, Gos. izd-vo inostr. i natc. slov., 1935–1940.

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>